

— Мы не изменим историю? — с беспокойством спросил Чжан Сяо. — В фильмах и книгах так всегда бывает. Ты смотрел «Эффект бабочки»? Очень интересный фильм, но когда главный герой возвращается в прошлое и меняет свои действия, будущее тоже кардинально меняется. Ты рассказал Оу Цину так много, а если он кому-то еще скажет, те передадут дальше, и наше будущее полностью изменится. Возможно... возможно, нас с тобой больше не будет, Комитета по управлению культурными реликвиями тоже не станет, наши родители даже не познакомятся. Сейчас 1918 год... я не знаю, произойдут ли позже те события, помнишь инцидент на мосту Лугоу? В 37-м или 38-м году? И потом...

— Хватит, — прервал его Гао Цюн. — Ты как Юань Ивэй.

Чжан Сяо обиженно замолчал, но ненадолго. Вскоре он снова не выдержал:

— Гао Цюн, ты действительно читал правила для сотрудников Комитета, дисциплинарные нормы и положения о конфиденциальности? Ты знаешь, что нельзя трогать ценные артефакты на полках защитного поля? Кто написал ту записку о нефритовом сосуде с узором дракона? Там специально было написано, чтобы ты его не трогал, но ты всё равно это сделал... У тебя плохая память, ты не можешь запомнить правила? Я могу их тебе прочитать, или мы можем учить вместе, ты быстро запомнишь, я вообще хорошо запоминаю, на шестидесятку точно сдам...

Гао Цюн схватил его за нос.

Чжан Сяо захлебнулся.

— Ты слишком надоедливый, — отпустил его Гао Цюн. — Я не читал, не помню, и никто мной не управляет.

Действительно, полное отсутствие дисциплины... но Чжан Сяо почувствовал, что такой Гао Цюн стал еще более загадочным, и его любопытство к нему выросло на несколько десятков уровней.

Он прикрыл нос, отошел немного и продолжил шепотом:

— Ты ведь родственник директора Ин? Он тебя не контролирует?

Гао Цюн нахмурился, его взгляд не фокусировался на Чжан Сяо, он лишь поднял палец, чтобы тот замолчал.

Оба говорили очень тихо, и, поскольку у них обоих был хороший слух, они продолжали следить за происходящим во дворе. Когда Гао Цюн поднял палец, Чжан Сяо тоже замолчал, услышав звуки борьбы во дворе.

Разговор Оу Цина с пришедшим, похоже, не задался.

— Отпусти! — хрипло закричал он, но из-за слабости от болезни не смог вырваться.

— Чахоточник... — пробормотал тот.

Оу Цин вскрикнул, и тут же раздался звук падения тяжелого тела.

Чжан Сяо вздрогнул и инстинктивно хотел броситься на помощь, но Гао Цюн крепко схватил его.

— Он ранен! — с недоверием посмотрел на Гао Цюна Чжан Сяо. — Нужно помочь ему...

— Не надо, — жестко оттащил его Гао Цюн. — Сегодня он действительно умрет.

Чжан Сяо продолжал вырываться:

— Но он ведь умер от болезни, а сейчас его...

— Теперь мы знаем, что Оу Цин умер, но не от болезни, — сказал Гао Цюн. — Не двигайся, я не хочу тебя оглушать.

Движения Чжан Сяо постепенно прекратились. Оба молчали, смутно прислушиваясь к прерывистым стонам и крикам боли во дворе.

Как будто не выдержав этой тишины, Гао Цюн неожиданно заговорил первым:

— Это ты сказал, что нельзя менять прошлое.

— Я знаю.

— Завтра сюда придут, чтобы убрать тело Оу Цина, он точно умрет сегодня. Записи, похоже, спрятаны за статуей, мы потом их найдем, — сказал Гао Цюн. — Это работа.

— Я знаю.

Чжан Сяо всё еще сидел на корточках, потирая плечо. Гао Цюн слишком сильно схватил его, и теперь плечо немного болело. Но по сравнению с этой болью, растерянность Чжан Сяо была куда сильнее.

Это работа. Это действительно работа. Когда Гао Цюн, Юань Ивэй и другие выполняли задания в прошлом, они тоже наблюдали за подобными вещами? Он вспомнил, что раньше они не могли контактировать с людьми из прошлого, и его обида немного утихла, но он быстро осознал, что именно из-за этого они, вероятно, стояли в стороне и наблюдали, как происходят подобные события.

Чжан Сяо тоже чувствовал, что он надоедливый.

— ...Со временем привыкнешь, — сухо сказал Гао Цюн. — Как врачи, привыкаешь к жизни и смерти.

Чжан Сяо лишь через некоторое время понял, что это была попытка его утешить.

Избиение во дворе длилось недолго. Когда пришедший ушел, Чжан Сяо и Гао Цюн сразу же прошли через дом во двор, чтобы найти Оу Цина.

Оу Цин был жестоко избит, он не мог подняться и лежал на земле. Его рука была вывернута в странном положении, лицо в крови, и с каждым словом он кашлял, выплевывая густую кровь.

Он, казалось, не чувствовал боли, и, увидев Чжан Сяо и Гао Цюна, даже улыбнулся.

Но эта улыбка была еще страшнее.

— Ты... ты говорил, что заберешь сокровища у иностранцев, это правда? — спросил Оу Цин Гао Цюна.

Гао Цюн присел, приблизившись к нему:

— Правда.

Оу Цин, похоже, понимал, что эти двое не станут его спасать, или просто знал, что его смерть близка, поэтому не просил о помощи.

— Меня избил человек Лю Дашуая... они тоже хотят записи, хотят сокровища... но я не хочу отдавать их им, ха... вы, идите в восточный переулок, в переулок Дунцзисян... найдите там человека по имени Тань Циин, — с трудом произнес Оу Цин. — Найдите его... и найдете записи.

— Хорошо, — Гао Цюн сразу же встал. — Пошли.

Чжан Сяо остался на месте. Сушеная хурма, которую он поймал, покатила у его ног, а Оу Цин лежал под деревом, хрипя и стоная.

— Чжан Сяо, иди, мы уходим, — Гао Цюн снова позвал его.

Это был первый раз, когда Гао Цюн так позвал его, чтобы он подошел. Чжан Сяо медленно пошел, проходя мимо Оу Цина, он произнес:

— Прости.

Изувеченный, избитый торговец древностями хрипло засмеялся. Кровь попала ему в горло, и он закашлялся, едва начав смеяться.

Чжан Сяо больше не осмелился оглянуться. Он прошел мимо Гао Цюна и вышел в переулок через полуоткрытую дверь.

Дождь всё еще шел, кажется, даже сильнее, чем раньше. Густые, тонкие струйки дождя падали с неба, опутывая мир.

Чжан Сяо прошел несколько шагов и обернулся к Гао Цюну. Тот шел за ним, его брови слегка приподнялись:

— Что такое?

— Ты его обманул, — тихо сказал Чжан Сяо. — Ты сказал, что Оу Цин не продает артефакты иностранцам, как же тогда его записи могли попасть к ним? Как ты собираешься их забрать?

— Он действительно не продавал иностранцам, но артефакты переходили из рук в руки, и некоторые из них могли попасть к ним, — ответил Гао Цюн. — Но я действительно его обманул. Задача Комитета — выяснить, где находятся артефакты, кто их купил. Мы должны понять это. Но что делать дальше — не наша работа.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы просто узнаем, где спрятаны сокровища, кто их купил, — терпение Гао Цюна было редким явлением. — Дальнейшее нас не касается. Например, сейчас мы найдем записи, и они будут переданы в архив. То, что в них написано, больше не будет иметь к нам никакого отношения.

Чжан Сяо молча постоял немного, затем развернулся и пошел дальше.

Гао Цюн с облегчением последовал за ним.

В Комитете по управлению культурными реликвиями не так много людей, которые могут выезжать на задания, и до Чжан Сяо Гао Цюн был новичком. Он никогда раньше не брал с собой новичков, и когда Юань Ивэй и Чжоу Ша брали его на задания, он не сталкивался с такими сложными эмоциональными переживаниями.

Чжан Сяо был растерян, и Гао Цюн тоже.

Они шли друг за другом некоторое время, и Гао Цюн, глядя на спину Чжан Сяо, вдруг вспомнил кое-что и быстро догнал его, схватив за руку.

— Переоденься, — сказал он. — Тань Циин не мертвец, мы не можем прийти к нему в таком виде.

У них не было денег, и Гао Цун решил, что в переулке Цзисян уже почти никого нет, поэтому просто перелез через стену в один из домов и начал рыться в чужом сундуке с одеждой.

Чжан Сяо спросил:

— Мы так вторгаемся в чужое имущество, это точно не вызовет проблем? А эффект бабочки...

— Хватит про эффект бабочки, — бросил ему Гао Цюн ватную куртку. — Не так-то просто изменить будущее. Ключевые личности и события — вот что меняет историю.

— Ты очень идеалистичен, — сказал Чжан Сяо. — Ты сдавал философию?

— Что за философия?

<http://bllate.org/book/16847/1550079>